

Измайлов Александр Алексеевич

В бурсе

Бытовая хроника в 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Алексеевич И.**
В бурсе: Бытовая хроника в 2 частях / Измайлов Александр Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 308 с.

ISBN 978-5-519-86877-8

Содержание В бурсе; Odor mortis Запах смерти; Христославы; Досифеев грех; Хиромантик

ISBN 978-5-519-86877-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ автора.

Подъ общимъ заглавіемъ „Въ бурсѣ“ авторъ объединяетъ три отдѣльно напечатанныя нѣсколько лѣтъ назадъ повѣсти— „Дѣтство Кузьки“, „Корни ученія“ и „На порогѣ жизни“, связанныя единствомъ замысла и общностью главнаго героя. Какой смыслъ отдѣльнаго изданія вещи, которой самъ авторъ не можетъ придавать художественной значительности? Смыслъ, конечно, только исторически-бытовой. Умираютъ старыя формы, и, съ прилетомъ новыхъ птицъ, замолкаютъ старыя пѣсни. Надо, чтобы сохранялась память объ отжившемъ и отживающемъ. Недавнее оживленіе интереса къ вопросамъ свѣтской средней школы вызвало къ жизни цѣлый рядъ произведеній, посвященныхъ запечатлѣнію отходящихъ въ область прошлаго формъ ея и типовъ отжившихъ педагоговъ. Предъ будущимъ историкомъ если не ясныя страницы, то опредѣленные вѣхи, по которымъ онъ возстановитъ быль умершей старины. Реформа ожидалась и ожидается и ду-

ховною школой, однако, послѣднее время не вызвало никакихъ попытокъ беллетристическаго освѣщенія своеобразной и во многомъ особенной жизни питомниковъ духовнаго сословія.

Для сужденія стороннихъ людей до сей минуты остались въ своемъ родѣ классическіе очерки обидно рано угасшаго Помяловскаго, описавшаго дореформенную бурсу, и ярко интересныя „Бурсацкія воспоминанія“ талантливаго И. Н. Потапенка, захватывающія такъ же достаточно отдаленныя времена и имѣющія дѣло съ южно-русской бурсой, по своему весьма типичной, но представляющей мало общаго съ жизнью и нравами училищъ и семинарій сѣверныхъ губерній. Въ смыслѣ освѣщенія бытовой стороны и духа этой школы болѣе позднѣйшаго времени авторомъ, котораго отдѣляютъ отъ „пѣвца бурсы“ почти пятьдесятъ преемственныхъ выпусковъ, предлагаемые бѣглыя страницы, можетъ быть, покажутся кому-либо не лишенными интереса, хотя, конечно, онѣ и далеки отъ претензій на попытку всесторонняго историко-бытового воспроизведенія среды и на какую-либо безотносительную художественную цѣнность.

Авторъ имѣлъ дѣло съ укладомъ жизни, ранѣе уже освѣщавшимся. Естественнo по-

этому, что моментами — и именно въ первой части „Хроники Ильинскаго“ — читатель встрѣтитъ какъ-бы знакомые мотивы. Черты нѣкотораго совпаденія съ Помяловскимъ здѣсь неизбѣжны, какъ неизбѣжны, напримѣръ, у всѣхъ, описывающихъ каторгу, точки скрещенія съ показаніями и впечатлѣніями бытописателя „Мертваго дома“. И это одинаково понятно, и постольку, поскольку рѣчь идетъ объ одной средѣ, и въ силу естественнаго давленія мощнаго таланта на скромныя силы. Нѣкоторый, случайно оказавшійся въ хроникѣ параллелизмъ сознательно не устраненъ авторомъ, такъ какъ это былъ единственный способъ показанія тѣхъ крупныхъ эволюцій и мелкихъ перерожденій, какія пережила послѣ-реформенная духовная школа за послѣдніе полъ-вѣка своего бытія.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ бурса уже допѣваетъ свою лебединую пѣснь, переживая, какъ хочется вѣрить, канунъ своего полного приближенія къ болѣе совершенному типу свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеній. Углы округлились, утончились линіи и порѣдѣли тѣни, но она все еще своеобразна и колоритна, и не лишено занимательности взглянуть, во что выродились Элпахи и Тавли, во что вылились

такіе институты, какъ старое „силачество“, какъ бурса продолжаетъ двигать дѣло науки, развлекаться и печалиться, въ разрѣженной атмосферѣ издыхающаго, но не сдающагося бурсацизма, и какъ еще иногда зловѣще-причудливо вспыхиваютъ его погасающіе огни, выражаясь въ какихъ-нибудь нелѣпыхъ вареоломеевскихъ ночахъ „избіеній по алфавиту“.

Объединяющая разсказъ исторія *средняго* бурсацкаго типа даетъ преимущества автору держаться золотой середины, идти „царскимъ путемъ“, чуждымъ крайностей, не идеализируя дѣйствительности и не впадая въ чрезмѣрный пессимизмъ отрицанія. То и другое было бы одинаково нежелательно въ бытовой сторонѣ хроники, въ которой авторскія измышленія не имѣютъ смысла. Еслибы эти отрывки изъ записной книжки памяти кому-нибудь нѣчто уяснили въ психологіи людей, прошедшихъ подобную школу, и нѣкогда сослужили службу одной изъ мелкихъ вѣхъ, возсоздающихъ прошлое, когда отъ него *etiam periere ruinae*, — авторъ не претендовалъ бы ни на что большее.

А. И.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Корни ученія.

I

— А что, тятка, скоро седьмое августа? Скоро ты меня стащишь въ бурсу?

— Скоро, Кузька. Совсѣмъ скоро. Сегодня лазалъ на колокольню,—ужъ съ колокольни видно. Трубка, братъ, тебѣ подходитъ. Будетъ около маменькиной юбки тереться. Съ колокольни видно, какъ со всего уѣзда вшивую команду въ бурсу гонять. Видимо-невидимо... Что саранча.

— Ой-ли? Заговаривай зубы.

— Чего заговаривай. Всурьезъ говорю. Въ уѣздѣ лѣсъ вздорожалъ,—ужъ больно много срубили,—все вашему брату на березовую кашу. Смотритель, братъ,—это такъ начальникъ въ бурсѣ называется,—теперича сердитый. Не вывчилъ урока,—гвоздь въ голову забьетъ. Чего, дурында, смѣешься? Думаешь, вру? Вѣрно, гвоздь въ голову.

— Забилъ одинъ такой.

— Вотъ-те и одинъ такой. Ничего и не попишешь. Подведетъ къ стѣнѣ, дядька за руки по-

держитъ,— это такъ служителя тамъ зовутъ, который, значить, къ вашему брату приставленъ. „Подайте-ка, скажетъ, мнѣ молотокъ“. Тяпъ! Глядишь и посадилъ клинъ въ башку Кузьмѣ Ильинскому. Ищи-свищи съ него. Дьячокъ у меня былъ такой знакомый, съ гвоздемъ въ головѣ. Въ бурсѣ же и забили. Какъ къ погодѣ, такъ и болитъ. Скаль зубы-то. Ужо самъ узнаешь, какъ я вру.

— Ужъ и нашелъ дѣло, ребенка пужать. Ну, что-жъ хорошаго, ежели его зря напужаешь? Безъ того, чай, не сладко съ дому-то уѣзжать, а онъ—на!.. Гвоздь въ голову. Не слушай его, Кузька. Зря болтаетъ, языкъ чешетъ. Съ толку сбиль ребенка. Чѣмъ бы дѣло говорить, на умъ наставить, а онъ — на!..

Вмѣшательство матери въ разговоръ дьячка Саввы Ильинскаго съ своимъ сыномъ, десятилѣтнимъ Кузькой, было въ самомъ дѣлѣ своевременнымъ. Какъ ни нелѣпо было увѣреніе о забиваемыхъ въ голову гвоздяхъ и вырубленныхъ для розогъ лѣсахъ, Кузька ужъ началъ было терять подъ собою почву и сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли шутить отецъ или говорить правду. Во всякомъ иномъ случаѣ Кузьма безъ труда распозналъ бы серьезный и ироническій тонъ отца, но когда рѣчь шла о бурсѣ, темной, неясной, загадочной,— можно было всему повѣрить. Все то немногое, что онъ зналъ о ней, было странно, мрачно, необычно и наполняло сердце тревогой и страхомъ. Иногда начиналъ о ней распространяться отецъ въ бесѣдѣ съ своимъ пріятелемъ,

телемъ заштатнымъ дьячкомъ Аѳанасіемъ Боголюбовымъ, и то, что онъ говорилъ о ней, вызывало кошмарно-отвратительныя впечатлѣнія. „Отвернули мы разъ въ столовой скатерть, а подъ ней черви“, „выпоролѣ меня да въ больницу“, „вышелъ ночью на корридоръ, а на умывальникѣ сидитъ лунатикъ...“, „наберемъ десятокъ клоповъ да и играемъ, кто изъ нихъ въ перегонку первымъ къ чертѣ придетъ...“

Въ представленіи Кузьки бурса была чѣмъ-то вродѣ темной комнаты, въ которую страшно войти и вмѣстѣ мучительно любопытно. Что тамъ? Какіе тамъ люди? Что значить это ничего не выражающее слово „бурса?“ Года два назадъ вмѣстѣ съ отцомъ онъ проѣзжалъ по окраинѣ города мимо нея. Была зима, спускалась ночь, и луна смотрѣла на успокаивающійся городъ, окруженная какимъ-то мутнымъ молочнымъ пятномъ, зловѣщая и странная. Мѣсто было незнакомое и пугающее. Какія-то темныя каменныя громады, склады дровъ... Савва Степанычъ подвелъ Кузьку къ порогу училищнаго двора. Дворъ былъ огромный, едва схватываемый глазомъ, и въ самомъ углу его стояло что-то темное, длинное, чернѣющее, какъ огромный притаившійся звѣрь. Савва посоветовалъ Кузькѣ вступить на порогъ калитки и посмотреть на училище. „Года черезъ два — черезъ три и ты тутъ будешь...“

— Съ тобой, тятка, вмѣстяхъ?

— Нѣтъ, братъ, тутъ одни ребята. Родителямъ можно только навѣдываться...

— И мамѣ нельзя?

— И ей нельзя.

Сердце у Кузьмы захолонуло. Точно кто-то сильный, темный и холодный, подошелъ и дунулъ ему въ грудь дыханіемъ смерти и ночи. До сихъ поръ Кузька думалъ, что ничто не можетъ его разлучить съ матерью кромѣ смерти. Когда эта мысль приходила ему на ночь, онъ не могъ заснуть, и на глаза просились слезы при мысли, что, можетъ быть, смерть дѣйствительно разлучитъ ихъ, и даже похоронятъ ихъ не въ одну могилу... Мальчику вдругъ стало холодно. Зубъ застучалъ объ зубъ.

— Что ты, миляга, никакъ промерзъ?

Кузьма не признался въ своемъ малодушіи и сказалъ, что дѣйствительно озябъ. Савва взялъ его за руку и повелъ домой. Шли долго, потомъ взяли извозчика, и опять долго-долго ѣхали по темнымъ, спящимъ улицамъ, и въ душѣ мальчугана осталось впечатлѣніе о бурсѣ, какъ о чемъ-то страшно далекомъ, холодномъ, непріятномъ и суровомъ. Позднѣе впечатлѣніе нѣсколько смягчилось. Всегда, когда сынъ спрашивалъ у отца подтвержденія какого-нибудь страшнаго слуха о бурсѣ, — Савва дѣлалъ ободряющее замѣчаніе, что это дѣйствительно было, но было встарь, и что теперь уже бурса не та, и не тѣ учителя, и не тѣ ученики, и не тѣ скатерти, и нѣтъ лунатиковъ. Кузьма утѣшался, но стоило ему слегка расшалиться или въ чемънибудь оплошать, — и мать, и отецъ въ одинъ голосъ говорили:

— Ужо, погоди, сбавить тебѣ бурса прыти.

И было ясно, что все таки бурса, что-то вродѣ земного чистилища, мѣсто лишеній, ограниченій, строгихъ взысканій, гдѣ не любятъ шутить, разъединяють дѣтей отъ родителей и, если не тратятъ лѣсовъ на розги, то во всякомъ случаѣ не пренебрегаютъ умудряющей лозой. Симпатій къ этому учрежденію въ душѣ ребенка не могло быть, и, если было нѣчто завлекательное въ томъ, чтобы числиться бурсакомъ, носить „форму“, состоящую изъ сѣренькаго казинетоваго или чернаго суконнаго пиджачка съ брюками на выпускъ и съ жилетомъ о двухъ карманахъ, какъ у взрослыхъ,— то во всякомъ случаѣ темныя стороны бурсы значительно перевѣшивали ея преимущества...

Дьячокъ уловилъ нѣсколько растерянное выраженіе лица сына, и ему стало его жалко.

— Покажи, Кузька, матери дулю, ободрительно сказалъ онъ ему. — Такъ, молъ, я тяткѣ и повѣрилъ. Дуракъ, скажи, я что ли? Я, скажи, самъ всякому гвоздь въ башку забью. Вѣрно, Кузька?

— Конечно.

— То-то и оно. А она—скулить. Нѣшто такого, какъ Кузьку запугаешь? Онъ самъ всякаго запугаетъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ. Первое, молись Богу. Пророку Науму молись, чтобъ на умъ наставилъ. Утромъ и вечеромъ поминай. Премудрости наставниче, смысла подателю!.. А второе,—самъ маху не давай. Въ ротъ-то никому не смотри, а чуть тронули,—воздай сторицею. Тебѣ въ морду разъ, а ты по сусаламъ два. А третье — сохрани тебя Богъ

отъ фискальства. Фискаль и Богу гнусень и чело-
вѣку въ мерзость... Такъ-то, милый челоуѣкъ.

II

Кузьма хорошо помнитъ, какъ въ канунъ отъѣзда въ бурсу, уже тогда, когда выяснилось, что онъ выдержалъ экзаменъ и когда въ два посѣщенія онъ уже нѣсколько освоился съ училищемъ, оказавшимся по внѣшности вовсе ужъ не такимъ мрачнымъ, какимъ онъ казалось ему издали, съ двороваго порога, года два назадъ, — отецъ добрымъ голосомъ разбудилъ его въ воскресенье къ ранней обѣднѣ и сказалъ:

— Вставай, Кузьма, пойдемъ молебенъ править.

При кладбищѣ, гдѣ служилъ Савва, было три священника, — ученый отецъ Павелъ, ходившій бокомъ, смотрѣвшій на людей косымъ, недоброжелательнымъ взглядомъ и постоянно дѣлавшій выговоры всѣмъ отъ дьяконовъ до сторожей, кроткій и болѣзненный отецъ Степанъ и веселый отецъ Макарій, маленькій и суетливый, носившій короткія рясы и особенно любимый Кузьмой и считаемый имъ добрымъ, потому что однажды, когда дьячковскій сынъ сидѣлъ на дровахъ у забора, батюшка купилъ у булочника трехъ копѣчныхъ жаворонковъ и сунулъ ихъ Кузьмѣ со словами:

— Лови-ка, братъ, покуда не улетѣли.

Самъ Савва болѣе тяготѣлъ къ отцу Степану и именно его пригласилъ напутствовать сына въ ученую дорогу. Послѣ обѣдни онъ велѣлъ послѣдовать Кузьмѣ за нимъ на лѣвый клиросъ. Высокій и